

Т. Г. ИВАНОВА

РУССКАЯ ФОЛЬКЛОРИСТИКА В СТЕНАХ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

До революции 1917 г. фольклористика в организационном плане развивалась в основном внутри научных обществ (Русское географическое общество; Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете; Московское археологическое общество; Харьковское историко-филологическое общество; Уральское общество любителей естествознания, и др.). Общества получали финансовую поддержку из различных источников, но коллектив ученых складывался «по интересам», зачастую не имеющим ничего общего с основной сферой профессиональной деятельности каждого из участников. Структур наподобие современных научно-исследовательских институтов в дореволюционной России не существовало. Одним из положительных изменений в научной сфере в послеоктябрьские годы стало создание целой сети научно-исследовательских учреждений, финансировавшихся государством и объединявших ученых в коллективы по профессиональному признаку.

Одним из учреждений подобного рода стала Российская академия истории материальной культуры (РАИМК; Петроград). Имя РАИМК, в отличие от Государственного института истории искусств (Петроград/Ленинград) или Государственной академии художественных наук (Москва), у современных фольклористов не «на слуху». Мало кто из ученых начала XXI столетия сможет сказать, какие фольклористические события связаны с этим учреждением. Тем не менее Академия играла заметную роль в фольклористике 1920-х гг.

Российская академия истории материальной культуры была создана 18 апреля 1919 г. на базе Археологической комиссии, существовавшей, в свою очередь, с 1859 г. С середины 1920 г.

располагалась РАИМК на Дворцовой набережной в Мраморном дворце, принадлежавшем до революции семье президента императорской Академии наук великого князя Константина Константиновича. В 1926 г. Академия была переименована в государственную (ГАИМК). В это время ГАИМК подчинялась Научному отделу Народного комиссариата по просвещению.¹ В 1937 г. ГАИМК вошла в систему учреждений АН СССР и получила новое название — Институт истории материальной культуры. С 1959 г. это учреждение называлось Институтом археологии АН СССР, а в эпоху «перестройки», в 1992 г., подобно другим научным учреждениям с богатой историей, вернулось к старому названию. Сейчас это Институт истории материальной культуры Российской Академии наук.

Первым директором Академии истории материальной культуры, работавшим как раз в те годы, которые интересуют нас, был Николай Яковлевич Марр (1864—1934), известный языковед, археолог, академик Петербургской Академии наук с 1909 г. Научные взгляды Н. Я. Марра, увязывавшего развитие языка с хозяйственной (материальной) деятельностью человека, и определили то, что в Академии, помимо изучения материальной культуры, весьма значимой составляющей стала духовная культура народа.

В 1920-е гг. в РАИМК имелось три отделения: археологическое, художественно-историческое и этнологическое. Судя по списку экспедиций, проведенных этим учреждением, этнологические изыскания не стояли на первом месте в его работе. Основное внимание уделялось археологическим раскопкам; затем следовали поездки, связанные с изучением и реставрацией памятников архитектуры; и только на третьем месте — этнографические экспедиции.² В свою очередь фольклористический аспект для РАИМК был всего лишь частью в некоторой сумме этнографических сторон народной культуры.

Развитие фольклористики в стенах РАИМК определялось несколькими факторами. Во-первых, главной формой фольклористической деятельности Академии были этнологические экспедиции. Ни в научных заседаниях с обсуждением докладов, ни в издательской деятельности фольклорные интересы сколько-нибудь заметного места в этом учреждении не заняли. Во-вторых, следует сказать, что, несмотря на то что полевые результаты работ сотрудников РАИМК были очень весомыми, в настоящее время, к сожалению, эти экспедиции, в отличие от подобных же поездок

¹ Устав Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1926; *Платонова Н. И.* Российская академия истории материальной культуры. Этап становления (1918—1919 гг.) // Советская археология. 1989. № 4. С. 5—16.

² Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919—1956 гг. Указатель. М., 1962.

Государственного института истории искусств, оказались абсолютно забытыми фольклористикой. Дело в том, что фольклорные материалы РАИМК вовремя опубликованы не были, а местонахождение записей к сегодняшнему дню неизвестно. Казалось бы, данный факт — почти полная потеря фольклорных материалов для науки — должен стать определяющим в вопросе о степени вклада Академии в российскую фольклористику. Утрата записей устно-поэтического творчества вроде бы позволяет не считать РАИМК фольклористическим учреждением. Однако, как мы постараемся показать, Академия истории материальной культуры занимала достойное место в ленинградской фольклористике 1920-х гг.

Весьма значимой чертой в работе РАИМК были ее тесные связи с местными краеведческими организациями. Выбор региона для обследования нередко определялся при помощи местных краеведов, которые принимали участие в подготовке экспедиций, а летом выезжали непосредственно в деревни для сбора фольклорно-этнографического материала. Такого рода тесных связей с местными краеведами у фольклористов ГИИИ, кстати, не было. Вероятно, это объясняется тем, что ученые РАИМК работали в центральных районах России, где краеведение в 1920-е гг. получило широкое развитие, сотрудники же Государственного института истории искусств выезжали в отдаленные северные регионы, не охваченные краеведческим движением.

И наконец, укажем на главное качество фольклористики в стенах РАИМК. Развитие фольклористики здесь было подчинено принципиально комплексным подходам к явлениям духовной и материальной культуры. В ходе этнологических экспедиций сотрудники Академии нащупывали новые методы в изучении народного быта — методы, наиболее яркое воплощение которых связано с именем Д. К. Зеленина, активно работавшего в те же двадцатые и тридцатые годы. Фольклорный текст учеными РАИМК не сводился к его вербальной (литературной) составляющей. Интересы исследователей были сосредоточены на историческом, бытовом, языковом, обрядовом контекстах фольклорного текста. Как известно, начиная с 1930-х гг. фольклористика все жестче смыкалась с литературоведением, теряя этнографическую сущность фольклорной культуры. Отражая эту тенденцию науки, и РАИМК к началу 1930-х гг. перестает быть фольклористическим учреждением. В ходе структурной перестройки этого учреждения, проходившей на рубеже 1920—1930-х гг., Этнологическое отделение РАИМК, где и развивалась фольклористическая мысль, было упразднено, а Академия полностью сосредоточилась на археологических и историко-архитектурных проблемах.

Деятельность Этнологического отделения первоначально была сосредоточена исключительно в Москве. Здесь находились В. В. Богданов (глава отделения), А. Н. Максимов, В. А. Горд-

левский, Б. А. Куфтин, М. В. Сергиевский, Б. В. Миллер, Б. С. Жуков. Все перечисленные лица входили в Московскую секцию РАИМК. Членом разряда Этнологии был также проживавший в то время в Харькове Д. К. Зеленин (см. его отчет по линии РАИМК — Архив Института истории материальной культуры. Ф. 2, оп. 2, 1920, № 11, л. 35—36; далее: Архив ИИМК). Московская секция Этнологического отделения ставила себе задачей этнографические наблюдения в Центральной и Северной России, фиксирование изменений в народном быте, произошедших под влиянием социальных перемен. В 1920 г. было проведено несколько экспедиций — в Касимовский и Спасский уезды Рязанской губернии и в Дмитровский уезд Московской губернии.³ Во время полевых выездов изучались материальная культура и ремесла крестьян, в частности — гончарство. Результатом этих поездок стала статья Б. А. Куфтина и А. М. Россовой о гончарном искусстве Подмосковья.⁴

Активно проходили заседания московской секции Этнологического отделения, на которых поднимались важные проблемы развития археолого-этнографических исследований. Так, 2 ноября 1920 г. А. Н. Максимов сделал доклад, в котором обсуждались принципы преподавания данных наук в высших учебных заведениях. Напомним, что в предреволюционной России регулярного преподавания археологии и этнографии (то есть отдельных кафедр для этих научных дисциплин) не существовало. «В некоторых слоях общества, — говорилось в докладе А. Н. Максимова, — а отчасти и в академических кругах, существует предубеждение против этнологии и археологии и отношение к ним не как к строго научным дисциплинам, а как к простому любительству или коллекционерству» (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1920, № 11, л. 7). Докладчик предлагал преподавание названных дисциплин сосредоточить на исторических факультетах университетов. Сейчас логика такого решения нам представляется безусловной. Однако напомним, что подобное решение было отнюдь не единственным в тот период. В Петрограде, например, преподавание этнографии было сосредоточено в Географическом институте, а чуть позже — на географическом факультете университета.

³ См.: Отчет по разряду Этнологии (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1920, № 11, л. 29—31). В середине 1920-х гг. в Московской секции ГАИМК работали В. В. Богданов, Б. А. Куфтин, Б. М. Соколов, Н. И. Лебедева, Е. Н. Елеонская и др. Основная деятельность секции заключалась в докладах ее участников. См. один из отчетов Московской секции ГАИМК: *П-в*. Комиссия по этнологии Московской секции Государственной академии истории материальной культуры // Этнография. 1926. № 1/2. С. 265—267.

⁴ Куфтин Б. А., Россова А. М. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии // Московский краевед. М., 1928. Вып. 5. С. 9—30.

18 ноября 1920 г. В. В. Богданов сделал доклад «Общие принципы археолого-этнографических институтов в России». В стране, только что вышедшей из хаоса Гражданской войны, предполагалось развернуть целую сеть научно-исследовательских учреждений для изучения археологии и этнологии, причем в этнологии выделялось три разряда: палеоэтнология, этнология или этнография (материальная культура, верования, язык, социальный быт, устное творчество), этническая антропология (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1920, № 11, л. 8 об.—10). Эта структура и была реализована в работе Этнологического отделения РАИМК.

Петроградская секция Этнологического отделения поначалу состояла только из одного человека — Давида Алексеевича Золотарева (1885—1935), антрополога. Но уже в мае—декабре 1920 г. здесь появились молодые специалисты по материальной культуре З. П. Малиновская, О. А. Олиференко и Л. И. Песселеп (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1920, № 11, л. 40. Отчет петроградской секции разряда этнологии). В ходе становления РАИМК Этнологическое отделение получило несколько разрядов: палеоэтнологии, этнографии (этнологии) и этнической антропологии. На 1 октября 1925 г. в разряд этнографии, наиболее актуальный для нашей темы, помимо Д. А. Золотарева, входили Надежда Павловна Гринкова (диалектолог, фольклорист, специалист по народной одежде), Степан Антонович Еремин (диалектолог), Александр Лукич Колобаев (специалист по крестьянским постройкам), Леонтина Ивановна Песселеп (также специалист по крестьянским постройкам).⁵

Основной движущей силой по Этнологическому отделению в Петрограде был Д. А. Золотарев. В 1919—1920 гг. он разработал анкету по этнологическому изучению крестьянства. Анкета была отпечатана тиражом в 10 000 экземпляров и разослана местным краеведам. На протяжении 1920 г. Д. А. Золотарев совершил несколько разведочных выездов в Тверскую, Ярославскую, Олонецкую и Саратовскую губернии с целью знакомства с работой местных краеведческих организаций (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1920, № 11, л. 39. Отчет Д. А. Золотарева за 1920 г.). Ознакомившись, например, с деятельностью Саратовского общества истории, археологии и этнографии, Д. А. Золотарев поставил вопрос о целесообразности создания на базе Общества научно-исследовательского археолого-этнологического института (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1920, № 11, л. 104). Участие в работе рыбинского съезда по краеведению, где он встретил сочувствие и горячую заинтересованность со стороны бежецких любителей родного края, определило дальнейший регион его научных поисков.

⁵ Личный состав Академии на 1 октября 1925 года // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л., 1926. Т. 1. С. 25.

Для истории фольклористики важными оказались верхневолжские экспедиции РАИМК (1921—1925) в Тверскую, Рыбинскую, Ярославскую, Костромскую губернии.

На протяжении первых месяцев 1921 г. Д. А. Золотарев вел напряженную работу по материальному обеспечению экспедиции и подбору ее участников. Регионом обследования был избран Бежецкий край Тверской губернии. В результате в подготовке экспедиции в той или иной форме принимали участие, помимо РАИМК, Этнографический отдел Русского музея, Комиссия по изучению племенного состава России, Отделение этнографии Русского географического общества и Бежецкое научное общество. Основная проблематика этнологической экспедиции была связана с изучением материальной культуры крестьянства — жилища, орудий труда, сельскохозяйственного производства, одежды и т. д. Однако проблемы духовной культуры также находились в сфере внимания научных сотрудников РАИМК уже с самого начала их экспедиционной деятельности. С. А. Еремину было поручено составить программу по собиранию особенностей русских говоров Тверской губернии. Программа была создана и напечатана.⁶ Помимо традиционно лингвистических аспектов фонетики, грамматических форм и лексики здесь акцентировалось внимание и на вопросах отражения языком разных сфер обрядово-мифологической жизни русского крестьянина. Так, в пункте 107 предлагалось собрать сведения о названиях различных годовых точек (цортова неделя, пестрая неделя и т. д.), явно окрашенных мифологическим сознанием. Программа ориентировала на собирание названий обрядовых праздников, кушаний, чинов свадебного действа, мифологических персонажей и др.

Летом 1921 г. возглавляемая Д. А. Золотаревым группа петроградских ученых выехала в Бежецкий край. Научные интересы распределялись следующим образом: С. А. Еремин изучал язык и говор; О. А. Олиференко — народный быт, в основном одежду; Л. И. Песселеп — крестьянские постройки; сам Д. А. Золотарев и З. П. Малиновская занимались антропологическими измерениями. В экспедиции участвовали также бежецкие краеведы, в частности председатель местного научного общества А. И. Михайлов. Основной район работы — станция Подобино, село Теблещи и Трестенская волость. В результате этнографических исследований удалось уточнить границы расселения карел в здешнем крае,⁷ на основании антропологических данных выделить особую группу

⁶ См. второе издание: Программа для собирания материалов по народным говорам, местному словарю и бытовым названиям Тверской и Рыбинской губерний. Изд. 2-е, испр. [Петроград, 1922].

⁷ Золотарев Д. А. Этнографический состав населения Бежецкого уезда (по материалам этнологической экспедиции и Комиссии по изучению племенного состава населения России при Академии наук) // Бежецкий край: Первый вы-

русских — теблешан, при этом отвергнув звучавшую в науке мысль об их карельском происхождении.

Чисто фольклористические результаты экспедиции 1921 г., если отвлечься от количества собранных частушек, были очень скромными. Д. А. Золотарев в отчете писал: «По фольклору собрано около 600 частушек, не считая поступивших из Краснохолмского уезда через С. П. Сулова (местный краевед. — *Т. И.*) десяти тысяч частушек, больше 20 сказок, 60 длинных песен, 5 духовных стихов».⁸ Проблемы духовной культуры находились в сфере внимания С. А. Еремина. По-видимому, именно ему принадлежат названные фольклорные записи. В отчете С. А. Еремина за 1921 г., помеченном 5 декабря, говорится, что 8 декабря он собирается читать доклад о языке, песне и сказке Бежецкого уезда (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1921, № 10, л. 2). К сожалению, сейчас местонахождение этих материалов неизвестно.

В 1922 г. РАИМК организовал вторую поездку в регион верхней Волги. На этот раз район обследования был значительно расширен: Бежецкий, Весьегонский, Краснохолмский, Мологский уезды. В экспедиции участвовали 17 человек, не считая местных краеведов. Было сформировано четыре отряда. Бежецкий отряд — С. А. Еремин (руководитель), А. Л. Колобаев, З. П. Малиновская, Р. П. Митусова, М. М. Серова, И. Д. Старынкевич. Краснохолмский отряд — М. Б. Едемский (руководитель), М. И. Артамонова, М. П. Грязнов. Весьегонский отряд — А. И. Михайлов (руководитель), Л. И. Песселеп, А. Е. Кудряшова, Е. Д. Герке, С. Д. Сеницын. Мологский отряд — Д. А. Золотарев (руководитель), Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова, В. П. Шibaев и на некоторое время присоединившаяся к ним М. М. Серова. Экспедицией были определены несколько опорных пунктов для работы. Это станция Максатиха в Бежецком уезде; регион Пушкинщина в Весьегонском уезде, жители которого, пушкари, имели некоторые этнографические особенности, выделявшие их среди основного населения; д. Огибалово в Краснохолмском уезде, славившаяся своим гончарным промыслом; Леонтьевская и Покровско-Ситская волости Мологского уезда, где проживали так называемые сицкари (по названию реки Сити).

Уже сам перечень участников экспедиции 1922 г. (фольклористические имена: М. Б. Едемский, М. М. Серова, Н. П. Гринкова) говорит о том, что на этот раз проблемы духовной культуры и фольклора получили равное внимание наряду с материальной культурой.

пуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. Бежецк, 1921. С. 64—74.

⁸ Золотарев Д. А. Работа этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губерниях // Изв. Российской академии истории материальной культуры. Л., 1924. Т. 3. С. 7.

Д. А. Золотарев в своем отчете отмечал, что А. Е. Кудряшова, работавшая в Бежецком крае, «занимаясь по преимуществу живой стариной, записала 36 сказок, десятки песен, причитаний, обрядов, представляющих очень большой интерес».⁹ М. М. Серова и И. Д. Старынкевич записали среди пушкарей 8 сказок, 130 частушек, десятки свадебных песен, описания обрядов, загадки. В Краснохолмском уезде фольклор записывал М. Б. Едемский — 50 сказок, свадебный обряд, песни. Фольклор сицкарей заинтересовал Н. П. Гринкову, занимавшуюся в основном изучением народных говоров; ею было записано 3 сказки, 40 песен, свадебный обряд. Подводя фольклористические итоги поездки 1922 г., Д. А. Золотарев писал: «Записано более 100 сказок, 700 частушек, несколько десятков длинных песен, свадебный и другие обряды в различных местах, 210 загадок, игры, обычаи и пр.».¹⁰ Фольклористический аспект играл заметную роль и в просветительской деятельности экспедиции. М. М. Серова и А. Е. Кудряшова провели в Рыбинске, Бежецке, Мологе, Весьегонске, Максатихе и с. Чамерова вечера сказок.

Успехи в изучении материальной культуры региона у участников экспедиции 1922 г. были столь же весомыми, что и в области фольклора. 20 декабря 1922 г. научно-исследовательское бюро Северной железной дороги — одна из организаций, финансировавших экспедицию, — заслушало доклад Д. А. Золотарева и результатами работы осталось довольно: «Бюро Северной ж(елезной) д(ороги) настоящим считает необходимым выразить свою глубокую признательность и восхищение проф. Золотареву и всем его сотрудникам, в исключительно трудных и по моменту времени, и по территории изучения условиях их работ выявившим столь огромную энергию, любовь к делу, трудоспособность и самопожертвование, обогатившим этнографическую науку оригинальными и образцовыми по замыслу, плану и его выполнению результатами, отложенными в массу художественных, графических, цифровых и коллекционных материалов» (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1922, № 97, л. 1). Ученым начала XXI в. остается только присоединиться к процитированным словам. Ведь экспедиции проходили в исключительно сложных условиях — в стране, только выходящей из ада Гражданской войны, в регионах, где противостояние разных лагерей принимало наиболее острые формы.

Летом 1923 г. полевые работы были продолжены, а в декабре сотрудники Этнологического отделения смогли устроить в Мраморном дворце выставку, посвященную результатам Верхневолжской экспедиции (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1924, № 7, л. 9). Верхневолжские экспедиции РАИМК имели широкий обществен-

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Там же. С. 22.

ный резонанс. Так, на Первой Всесоюзной сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке, проходившей в Ярославле в конце 1923 г., Д. А. Золотареву был присужден диплом I степени за собирание предметов великорусского быта Тверской и Рыбинской губерний (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1924, № 104, л. 8). В марте 1924 г. Вологодский государственный объединенный музей, прослышавший об успешной работе РАИМК в Тверском крае, обратился к Д. А. Золотареву с просьбой расширить границы Верхневолжской экспедиции и начать сотрудничество по изучению Вологодского региона. РАИМК пошел навстречу и летом 1924 г. профинансировал работу в Вологодской губернии известного фольклориста М. Б. Едемского, нештатно сотрудничавшего с Академией. Н. П. Гринкова в 1924 г. продолжила работы в Тверском крае.

Основным же районом Верхневолжской экспедиции в 1924 г. стали Даниловский и Ростовский уезды Ярославской губернии (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1924, № 104, л. 56—57. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции в Ярославскую губернию летом 1924 г.).

З. П. Малиновская, работая в деревнях по железнодорожной линии Любим—Буй, сумела от местных знахарок собрать большой материал по народной медицине. Фиксировались сведения по свадьбе, поверьям, обычаям. Экспедиционеры интересовали обряды засева и уборки урожая; правила переезда в новый дом; суеверия, связанные с покупкой скота; ритуалы предохранения от мух и тараканов, и т. д. Словом, внимание было приковано к тем сторонам традиционной культуры, которые наименее связаны с вербальным кодом фольклора и которые в тридцатые годы начнут исчезать из поля зрения фольклористов, все более и более смыкающих устную поэзию с литературой.

Е. Э. Бломквист и А. К. Демидов совместно с ростовскими краеведами обследовали Ростовский уезд. Как следует из отчета, они также собирали фольклорный материал: свадебный обряд, погребальные обычаи, частушки, песни, гадания, детские колыбельные песни и т. д.¹¹ К сожалению, фольклорный материал, собранный в 1924 г., также опубликован не был, а местонахождение записей в настоящее время неизвестно.

За годы работы в Верхне-Волжском крае Академия истории материальной культуры сумела собрать богатейший материал по материальной и духовной культуре местного населения. Результаты наблюдений были обнародованы в ряде статей, перечень которых дан в отчете С. А. Еремина.¹²

¹¹ См. также краткий отчет об экспедиции 1924 г.: Отчет Ростовского научного общества по изучению местного края за 1924 г. (Первый год). Ростов, 1924. С. 6.

¹² *Еремин С.* Разряд этнографии Государственной академии истории материальной культуры // Человек. 1928. № 1. С. 86.

Говоря современным языком, мы можем сказать, что Верхневолжская экспедиция была комплексной по своему характеру. Однако важно осознать, что представляет из себя комплексность как таковая. Комплексность должна заключаться не только в том, что в экспедициях участвуют специалисты разных научных дисциплин. Принципиально важно, чтобы ученые работали не просто параллельно друг с другом, а стремились к решению единой задачи. Задача Верхневолжской экспедиции Д. А. Золотаревым была сформулирована следующим образом: «Что представляет собою в этнологическом отношении Ярославско-Тверской край, каковы особенности населения и чем они объясняются — вот общая задача, поставленная нами. История, история колонизации края, археологические данные были для нас источниками, а коллективная работа по собиранию и разработке этнографических, лингвистических, антропологических, археологических, архитектурных и статистических материалов мыслилась как средство для разрешения поставленной задачи».¹³

Следует сказать, что отнюдь не во всех трудах сотрудников РАИМК эта задача находила успешное разрешение. Порой наблюдения в разных областях народной культуры оставались параллельными и не приводились к некой единой идее. Так, С. А. Еремину принадлежит этнографический очерк о теблешанах — компактной группе населения Бежецкого уезда с центром в селе Теблеша. Соседи называли их «индейцы», «картоусы», «Картоусово царство» и отмечали их дикость, неотесанность, непопранность. Начав с историко-географической справки о регионе, исследователь дает полновесное описание жилища теблешан, их одежды, пищи, занятий и промыслов. Далее он переходит к духовной культуре населения. В свадебном обряде отмечается редкий обычай «набиванья» — сватовства, исходящего со стороны невестинной родни; указываются венчание в «кручинном» (белый траур) платье и некоторые другие любопытные элементы. Дается исследователем и характеристика песен, частушек, сказок и других жанров фольклора. Однако при описании всего названного выше материала, порой очень интересного, в исследовании не чувствуется некой сверхзадачи. Только в анализе теблешанского говора эта задача появляется: исследователь делает вывод, что теблешане — довольно позднее население здешнего края и связаны по своему происхождению с западно-русским, скорее всего белорусским, элементом. Вывод этот делается, повторяем еще раз, только на основании языка. Белорусских черт

¹³ Золотарев Д. А. Изучение крестьянских построек в работах Верхневолжской этнологической экспедиции // Верхневолжская этнологическая экспедиция: Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926. С. V.

в материальной культуре теблешан и их фольклоре исследователь не отмечает.¹⁴

Более удачными с точки зрения понятия «комплексное исследование», на наш взгляд, были работы Н. П. Гринковой. Позволим себе сказать несколько слов об этой исследовательнице, оставившей значимый след в истории русской фольклористики. Надежда Павловна Гринкова родилась 4 сентября 1895 г. в Петербурге, где закончила в 1913 г. гимназию, после чего училась на словесном отделении Высшего женского педагогического института (1913—1918). В 1918—1925 гг. Н. П. Гринкова являлась ассистентом кафедры русского языка в Первом Петроградском педагогическом институте. Здесь она вела курсы по древнецерковнославянскому языку и по диалектологии. Одновременно Н. П. Гринкова стала слушательницей Петроградского университета, углубляя свои знания в области языкознания. В 1920 г. она была избрана преподавателем русской диалектологии в Географическом институте, где в то время существовало Этнографическое отделение, собравшее такие научные силы, как В. Г. Богораз-Тан, Л. Я. Штернберг, Д. К. Зеленин, Е. Г. Кагаров. Летом 1920 г. Н. П. Гринкова совершила свою первую экспедицию, носившую этнографический и диалектологический характер, — в Гдовский уезд Петроградской губернии. В том же году молодая исследовательница была избрана научным сотрудником Российской академии истории материальной культуры. Здесь Н. П. Гринкова первоначально работала в Комиссии древних карт и путей. В личном деле Н. П. Гринковой, хранящемся в Институте истории материальной культуры, находится недатированная, относимая нами к 1921 г., характеристика молодой исследовательницы, подписанная С. Ф. Ольденбургом. В документе говорится следующее: «К работам в Комиссии Н. П. Гринкова привлечена покойным А. А. Шахматовым, весной текущего года ей поручена была выборка материала из Списков населенных мест в связи с историко-географическими задачами Комиссии, работа выполнена была весьма успешно» (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 3, № 164, л. 1). В 1921 г. Н. П. Гринкова была также избрана научным сотрудником первого разряда в Русском музее по Этнографическому отделу. В дальнейшем, не оставляя преподавательской деятельности в педагогическом институте (впоследствии — имени А. И. Герцена), она также являлась сотрудником Музея этнографии народов СССР (бывший Этнографический отдел Русского музея) и позднее — старшим научным сотрудником сектора диалектологии Института русского языка АН СССР (1945—1950).¹⁵

¹⁴ *Еремин С. А.* О теблешанах // Изв. Государственного русского географического общества. 1926. Т. 108. Вып. 2. С. 111—125; Т. 109. Вып. 1. С. 3—39.

¹⁵ См. о ней: *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиогр. словарь. Минск, 1977. Т. 2 (А—К). С. 159—163; *Чагшиева В. И.* Творческий

Сфера основных научных интересов Н. П. Гринковой была связана с изучением русских народных говоров. Воронежским диалектам была посвящена ее докторская диссертация, написанная в предвоенные годы и защищенная в 1947 г. В этой работе ярко проявились две важные черты: последовательное изучение языка в тесной связи с историей заселения края и осмысление диалектов в связи с языковыми особенностями местных памятников письменности XVII в. Таким образом, Н. П. Гринковой одной из первых в нашем языкознании при изучении народных говоров был акцентирован аспект исторической диалектологии.

Диалектология была не единственной гуманитарной наукой, в которой Н. П. Гринкова оставила заметный след. Участие в полевых экспедициях РАИМК, в которых молодой исследовательнице довелось работать бок о бок с учеными разных специальностей, позволило ей обрести обширные знания в разных сферах народной культуры. В частности, ее перу принадлежат серьезные исследования по русской народной одежде.¹⁶ В трудах Н. П. Гринковой, как мы уже говорили, весомо и полнокровно смогла воплотиться идея комплексности в изучении крестьянского быта.

Летом 1924 г. Н. П. Гринкова работала в Молодотудской волости Тверской губернии, население которой, «тудовляне», значительно отличалось от своего окружения. Село Молодой Туд, носившее до XVII в. название Спасское, было известно в письменных памятниках с 1477 г. В 1689 г. волость была пожалована Б. П. Шереметеву («графские» крестьяне) и князю В. Д. Долгорукову («княжие»), позднее наследники продали часть деревень графине Паниной («панские»). В дореволюционной науке неоднократно высказывалось мнение, что «тудовляне» являются потомками русифицированных белорусов. Н. П. Гринкова в своих работах, оперируя материалом разных сфер народной культуры, подтверждает эту гипотезу. Так, всесторонне и многогранно описывая крестьянские постройки, исследовательница выделяет один тип — с открытым двором, который зафиксирован также в Белоруссии.¹⁷

путь Н. П. Гринковой // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1963. Т. 248: Вопросы языкознания. С. 3—18 (здесь дан список трудов Н. П. Гринковой). См. также явно тенденциозную, идеологически заданную статью: Орлова В. Г. Работы диалектологов марковского направления («Воронежские диалекты» Н. П. Гринковой) // Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании. М., 1951. Ч. 1. С. 310—330.

¹⁶ См.: Гринкова Н. П. 1) Очерки по истории развития русской одежды (поясные украшения) // Сов. этнография. 1934. № 1/2. С. 66—94; 2) Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике // Сов. этнография. 1935. № 1. С. 60—90; 3) Родовые пережитки, связанные с разделением по полу и возрасту (по материалам русской одежды) // Сов. этнография. 1936. № 2. С. 21—55.

¹⁷ Гринкова Н. П. Постройки юго-западной части Ржевского уезда // Верхневолжская этнологическая экспедиция: Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926. С. 147—168.

Белорусские черты Н. П. Гринкова находит также и в одежде «тудовлян» (например, так называемые «касталаны» — сарафаны особого покроя).¹⁸ Проанализировав собранные данные о говоре «тудовлян», Н. П. Гринкова отмечает там ряд несомненных белорусизмов: уходящее дзеканье, *ў* на месте *л*, *ў* на месте *в* и т. д. Вывод звучит следующим образом: «Тудовлян, живущих по р. Туду от верховьев до села Молодого Туда, следует считать белорусами по происхождению, подвергшимися сильному влиянию со стороны великорусского населения востока Ржевского уезда».¹⁹

К этому же выводу приводит Н. П. Гринкову и фольклорный материал — свадебный обряд Молодотудской волости. Описав свадьбу, сыгранную по сокращенному обряду, за один день, которую ей довелось самой наблюдать, далее фольклористка демонстрирует собранный ею от знатоков обряда материал. Принципиально важным в методике сбора сведений о молодотудской свадьбе было то, что исследовательница обратилась не только к женщинам, носительницам традиции, но и к мужчине — признанному дружке округи. Благодаря этому Н. П. Гринковой удалось представить в полном объеме ту часть обряда, которую современным языком называют «мужским текстом». Именно в мужском тексте местной свадьбы фольклористка обнаружила ряд белорусских черт.

Первый белорусский элемент связан с ритуалом «посада» жениха. В день венчания в доме жениха поддрузья просят у отца шубу, трижды ударяет ею по лавке, выгоняя якобы блох и клопов (древняя семантика этого действия — изгнание злых духов); затем дружка и поддрузья садятся на шубу под образами и спрашивают у отца, велит ли он посадить сына (жениха); дружка уступает место жениху на овчине и начинает ритуал выкликания; каждый из участников свадебного поезда по очереди выкликается, наделяется чарой, за что должен положить на поднос деньги. Этот ритуал в доме жениха на русской почве других регионов не отмечен, в белорусской же свадьбе он зафиксирован как широко распространенный.

Второй элемент молодотудской свадьбы, на который обращает внимание Н. П. Гринкова, также связан с мужским текстом обряда. В доме жениха перед отъездом к венцу дружка спрашивает, есть ли в высоком терему молодцы — песенку сыграть; мужчины-певцы в ответ вопрошают, какую песню желает дружка; тот называет песню «Бослабоженьку», после чего, выторговав себе по стакану вина и по куску пирога, мужчины поют песню, в которой испрашивается у Бога благословение сыграть свадьбу; в тексте заручаются

¹⁸ Гринкова Н. П. Одежда «тудовлян» Ржевского уезда // Этнография. 1926. № 1/2. С. 83—96.

¹⁹ Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. IV. Говор тудовлян Ржевского уезда // Изв. Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1926. Т.31. С. 322.

поддержкой Кузьмы и Демьяна, святого Луки. После окончания песни запевала ударяет двумя пирогами друг о друга, один пирог бросает о порог, а второй делит вместе с другими участниками хора. Н. П. Гринкова прочитывает семантику этого ритуала следующим образом: запевала — древний жрец; он исполняет песню чаще всего у печного столба, то есть у очага, священного избяного локуса; сама песня — древняя молитва, обращенная к языческому божеству брака, которого в христианские времена заменил Бог, Кузьма и Демьян и другие святые; пирог — это жертва, приносимая при бросании о порог предкам или родовым божкам. Этот ритуал зафиксирован также в Витебской, Смоленской и Псковской губерниях, то есть на западе России, что позволяет исследовательнице признать его белорусским по своему происхождению.²⁰

Анализ работы Верхневолжской экспедиции Государственной академии истории материальной культуры позволяет сделать вывод о серьезных методологических поисках и находках в изучении народной культуры, которыми руководствовались ученые 1920-х гг. Так, идея комплексности в подходе к разным сферам крестьянской культуры нашла всестороннее воплощение в работах сотрудников ГАИМК. Фольклорная традиция того или иного края изучалась в тесной взаимосвязи с вопросом об истории заселения данной местности. Само понятие «фольклор» не сводилось к понятию «вербальный текст»; обрядовые тексты в обязательном порядке записывались в комплексе с описанием обряда. Источником сведения об обряде (например, о свадьбе) для собирателей были не только женщины, но и мужчины, что позволяло всесторонне осветить данное обрядовое действие.

Тем не менее, несмотря на целый ряд безусловно выдающихся черт, Верхневолжская экспедиция не стала значимым явлением в истории отечественной фольклористики. Причина этому, как говорилось выше, проста и банальна. Фольклорные записи, сделанные участниками этих поездок, в свое время не были опубликованы отдельным изданием. Более того, они, по-видимому, хранились у каждого экспедиционера в его личной коллекции (в Архиве ИИМК фольклорных материалов мы не обнаружили) и впоследствии затерялись.

В середине 1920-х гг. Этнологическое отделение РАИМК имело обширные и глубоко продуманные планы по изучению этнографии русского и соседних с ним народов. Так, перспективный план, созданный в 1924 г., по разряду этнологии (этнографии) предполагал следующие экспедиции: 1) Верхневолжская этнологическая экспедиция в Тверскую, Ярославскую, Костромскую губернии — 1924—1926 гг.; 2) Южнорусская экспедиция — 1924—

²⁰ Гринкова Н. П. Старая и новая свадьба в Ржевском уезде Тверской губернии // Ржевский край. Ржев, 1926. Сб.1. С. 98—142.

1928 г.; 3) Выделение отряда для начала работ в Вологодской губернии в 1924 г.; 4) Продолжение этнологических исследований северных губерний (Вологодская, Архангельская, Северо-Двинская, Мурманская губернии — русские, зыряне, корелы) — 1925—1928 гг.; 5) Участие в работах Северо-Кавказской экспедиции (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1924, № 7, л. 1).

Существовал отдельный издательский план Верхневолжской этнологической экспедиции РАИМК (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1924, № 104, л. 10). Предполагалось издать серию сборников по материалам этнографических исследований: по постройкам Ярославско-Тверского края; по отдельным группам населения (сицкарям, теблешанам и т. д.). Отдельно выделялось и такое издательское направление, как публикация собранных записей сказок, песен, загадок и прочего текстового материала.

Время и исторические обстоятельства распорядились по-своему. Отнюдь не всё из намеченных планов было осуществлено. По материалам Верхневолжской экспедиции был издан единственный сборник — «Верхневолжская этнологическая экспедиция: Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края» (Л., 1926). Записи фольклорного материала публикации так и не дождались. Этнологические работы в Верхневолжском регионе были прерваны в 1925 и 1926 гг., но фольклористическая составляющая в них в это время практически исчезает. От северных экспедиций РАИМК пришлось отказаться: не хватало ни финансовых средств, ни подготовленных кадров. Северокавказская экспедиция, принеся весомые результаты в области археологических раскопок, сугубо этнографических и фольклористических задач не решала. И только южнорусские экспедиции стали заметным явлением в русской фольклористике.

Юго-Восточная этнологическая экспедиция Российской академии истории материальной культуры проходила на протяжении трех лет (1925—1927 гг.); работы велись на территории Воронежской губернии. Участники экспедиции — руководитель Д. А. Золотарев, а также уже обогащенные опытом верхневолжских поездок Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова, С. А. Еремин, Л. И. Песселеп, Н. И. Троицкий. В 1925 г. экспедиционерами были обследованы бывшие Задонский и Землянский уезды. Как и в случае с Верхневолжской экспедицией, работа строилась в тесном контакте с местными краеведческими организациями, проявлявшими живую заинтересованность в деятельности РАИМК. В архиве Института истории материальной культуры сохранилось, например, следующее письмо за подписью Н. Я. Марра, написанное в ответ на письмо Воронежского губернского музея: «Выражая благодарность за осведомление о предположениях Музея на работы в 1926 году, Академия уведомляет, что Государственная академия истории материальной культуры продолжит начатые

в 1925 г. работы Юго-Восточной экспедиции в Воронежской губернии, намечая в 1926 г. для обследования Коротоаякский и Нижнедевицкий уу., главным образом великорусские районы этих губерний, соприкасающиеся с украинскими. Экспедиция, в составе 3-х человек, предполагает выехать 10 июля. Кроме того, в целях завершения начатой работы в 1925 г. в б. Задонском у. предполагается командировка 1-го сотрудника в северную часть Задонского у.» (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1926, № 100, л. 1).

В 1926 г. работа действительно проходила в бывшем Коротоаякском уезде и в районе рек Девица и Потудань; в 1927 г. — в Нижнедевицком уезде.²¹ В 1928 г. работы были перенесены в Пензенскую и Тамбовскую губернии, причем предметом интереса стали мордовское и мещерякское население края. Александр Александрович Миллер (1875—1935), глава Этнологического отделения, в пятилетнем плане Отделения писал: «Юго-Восточная экспедиция в продолжение и развитие начатых в крае работ будет изучать материальную культуру юго-восточного района европейской части РСФСР, ставя задачей выяснение постепенного и последовательного движения колонизационных потоков, взаимоотношение славянского и финского миров в прошлом, а также и по данным современной материальной культуры» (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1928, № 11, л. 16). Для нашей темы — развитие отечественной фольклористики — важны юго-восточные экспедиции 1925—1927 гг.; в дальнейшем фольклористическая составляющая в экспедиционных отчетах исчезает.

Юго-Восточная экспедиция, как и Верхневолжская, носила все тот же комплексный характер: изучались постройки, одежда, промыслы, язык, фольклор местного населения. Воронежская губерния заинтересовала исследователей двумя своими особенностями: наличием разных типов крестьян — бывшие крепостные (помещичьи) и однодворцы (с XIX в. — государственные) — и соседством русского населения с украинским.

Подводя фольклористические итоги поездки 1925 г., Н. П. Гринкова и Е. Э. Бломквист писали: «По духовной культуре собран диалектологический материал, представляющий большой интерес при сравнительном изучении бывших однодворцев и б(ывших) барских крестьян. Собран также материал по свадьбе, записаны варианты как самого обряда, так и песен в

²¹ *Еремин С.* Юго-Восточная экспедиция // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1926. Т. 1. С. 316—318; *Н. Г.* Юго-Восточная экспедиция Государственной академии истории материальной культуры // Этнография. 1927. № 1. С. 215. — Авт. Н. П. Гринкова; *Гринкова Н. П.* Юго-Восточная этнологическая экспедиция Государственной академии истории материальной культуры // Человек. 1928. № 1. С. 87. См. также Отчет I Отделения (Этнологического) за 1927 г. (Архив ИИМК. Ф. 2, оп. 1, 1927, № 10, л. 63—63 об.).

Карачуне, Донской Негочевке, Б. Верейке и Архангельском; приобретены обрядовые свадебные печенья. В с. Б. Верейке сотрудникам посчастливилось попасть на самую свадьбу и наблюдать непосредственно часть свадебного чина. Кроме того, собран разнообразный материал по обрядам, связанным с праздниками, и по верованиям.²²

Фольклорный материал Юго-Восточной экспедиции был использован Н. П. Гринковой в ее монографии «Воронежские диалекты», опубликованной в 1947 г. Там, говоря о собственных фольклорных записях, послуживших для изучения местного говора, собирательница приводила следующие цифры.

1925 г. «В с. Карачун записано 13 песен, 200 частушек, в с. Донская Негочевка — 3 песни, 500 частушек, в с. Большая Верейка — 56 сказок от А. К. Барышниковой, 37 песен, 6 заговоров и 500 частушек. Свадебные песни записаны по ходу исполнения свадебного обряда, описание которого дословно, и таким образом самое описание является для нас материалом не только этнографическим и фольклорным, но и диалектологическим».

1926 г. «В с. Мастюгино записано 36 сказок от сказочника Д. И. Трухачева, 20 песен и 200 частушек. В с. Рассошки — 23 песни и 250 частушек. В с. Прилепы — 35 песен, 100 частушек. Кроме песенного материала записаны свадебные, весенние (семицкие) обряды, ряд способов лечения и т.п. — все в дословной записи».

1927 г. «В с. Шаталовка записано 15 сказок и легенд от К. Д. Зубкова и А. В. Анисимова и 12 песен. В с. Роговатое — 2 песни и 50 частушек, кроме того — записи обрядов и способов лечения».²³

Собранный в Воронежской губернии предметный материал в конце концов осел в Музее этнографии народов СССР (ныне: Российский этнографический музей) в Ленинграде. Через десять лет Н. П. Гринкова как сотрудник музея решила продолжить обследование данного региона и в 1936 г. повторно посетила Воронежский край. Здесь в селе Большая Верейка были сделаны дополнительные записи по обряду «вождение русалки», а также приобретены для музея кукла «русалки» и предметы, сопровождающие обряд.²⁴ Материал по названному обряду, собранный в 1925 и 1936 гг. благодаря встрече Н. П. Гринковой со знаменитой

²² Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Этнографические экскурсии в бывший Задонский и Землянский уу. // Изв. Воронежского краеведческого общества. 1925. № 2. С. 22.

²³ Гринкова Н. П. Воронежские диалекты // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1947. Т. 54. С. 20.

²⁴ Гринкова Н. П. Экспедиция Гос. музея этнографии в Воронежскую область (1936 г.) // Сов. этнография. 1937. № 6. С. 122.

сказочницей А. К. Барышниковой, был обобщен исследовательницей в одной из ее статей много позже, уже после войны.²⁵

Укажем, что и в 1940-е гг., когда этнографическое начало исчезло из понимания фольклорного текста, Н. П. Гринкова не впала в литературоведческую крайность анализа фольклорно-обрядового материала: этнографическое начало в ее исследовании явно доминирует над всем остальным. Статья о «вождении русалки» является одним из немногих в 40-е гг. примеров этнографического подхода к фольклорным явлениям. Исследовательница подробно описывает предметный (саму куклу «русалку», ее одежду, носилки, на которые она укладывалась, одежду участников обряда) и акциональный (действия и передвижения женщин, осуществляющих обряд) планы обряда. Здесь же дается и вербальный текст песни, исполняемой участницами. В истолковании обряда Н. П. Гринкова вступает в полемику с Д. К. Зелениным, который считал, что смысл обрядового действия заключался в выпроваживании русалок (заложных покойников) как нежелательного элемента в иной мир. Н. П. Гринкова же полагала, что зерном обряда являлся образ умирающего и воскрешающего божества, на который наложился образ русалки. В воронежской версии обряда на момент его фиксации сохранилась лишь только та его часть, которая отражает похороны божества; в калужском же материале, собранном Е. Н. Елеонской, считала Н. П. Гринкова, сохранилась и идея воскрешения божества.

Мы сейчас не будем вдаваться в суть дискуссии Д. К. Зеленина и Н. П. Гринковой. Для нас важнее, повторяем еще раз, подчеркнуть, что и в 20-е гг., когда в полевых условиях исследовательница собирала материал по названному обряду, и в 40-е гг., когда писала о нем свою статью, она оставалась верна лучшим традициям отечественной фольклористики, рассматривавшей фольклорные явления в сопряжении с этнографией, а не с литературой.

Воронежские экспедиции Государственной академии истории материальной культуры в истории фольклористики значимы не только тем, что в них реализовывались важные идеи комплексности в подходе к явлениям народной культуры.²⁶ Самым ярким

²⁵ Гринкова Н. П. Обряд «вождение русалки» в селе Б. Верейка Воронежской области // Сов. этнография. 1947. № 1. С. 178—184.

²⁶ См. работы по материальной культуре, основанные на материалах Юго-Восточной экспедиции: Бломквист Е. Э. Материалы по истории жилища придонских районов Воронежской области (жилище феодальной эпохи) // Сов. этнография. 1934. № 5. С. 48—71; Гринкова Н. П. Однодворческая одежда Коротояжского уезда Воронежской губернии (из материалов Юго-Восточной экспедиции Государственной академии истории материальной культуры) // Изв. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1928. Вып. 1. С. 148—174. См. также труды о воронежских диалектах Н. П. Гринковой: 1) Очерки по русской диалектологии. V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии // Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР. 1929. Т. 2. Кн. 1. С. 76—116; 2) VI.

фольклористическим событием экспедиции 1925 г. стало открытие в с. Б. Верейка названной выше выдающейся сказочницы Анны Куприяновны Барышниковой (Куприянихи), вскоре ставшей культовой фигурой отечественной фольклористики. Честь этого открытия принадлежит Н. П. Гринковой, которая записала от исполнительницы 56 первоклассных текстов, в которых соблюдалась вся сказочная обрядность. Монографический портрет Куприянихи исследовательница представила в одной из своих статей, где дан список сказок А. К. Барышниковой со ссылками на опубликованные варианты и на номера по указателю Аарне, который еще только вводился в научное сознание русских фольклористов.²⁷ В своей монографии «Воронежские диалекты» Н. П. Гринкова в разделе «Речь сказителей» сделала полновесный анализ языка сказительницы.²⁸

Записи Н. П. Гринковой от Куприянихи, к сожалению, в полном объеме опубликованы не были. В 1929 г. Н. П. Гринкова в своем исследовании о говорах бывших Задонского и Землянского уездов в качестве иллюстрации опубликовала запись одной из сказок Куприянихи — «Трусливый Ваня».²⁹ В сборник М. К. Азадовского «Русская сказка: Избранные мастера» (1932) собирательница передала еще три текста А. К. Барышниковой: «Два брата» (на сюжет «Шемякина суда»; СУС 1660);³⁰ «Старуха» (СУС 1641); «Поп-Скука» (СУС 1730). Остальные записи Н. П. Гринковой, к сожалению, так и не увидели свет. В настоящее время местонахождение их неизвестно. Как видим, фольклорные записи Юго-Восточной экспедиции РАИМК повторили судьбу верхневолжских материалов: они так и не были достойно изданы и во многом оказались потерянными для науки.

Тем не менее открытие А. К. Барышниковой стало знаковым событием для отечественной фольклористики. Очень скоро, уже после статьи Н. П. Гринковой 1926 г., творчество этой сказочницы оказалось в центре внимания исследователей и собирателей. Для Б. М. Соколова, увлеченного в 1930 г. идеей изучения классовой природы сказочных стилей, Куприяниха стала примером «примиренного эстетизма». Стиль этой исполнительницы, основанный на сказочной обрядности, по мнению ученого, выражал

К вопросу о влиянии великорусских говоров на пограничные украинские // Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР. 1930. Т. 3. Кн. 1. С. 205—224; 3) VII. О русских говорах б. Коротоякского уезда Воронежской губернии // Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР. 1930. Т. 3. Кн. 2. С. 557—580.

²⁷ Гринкова Н. П. Сказки Куприянихи // Художественный фольклор. М., 1926. Вып. 1. С. 81—98.

²⁸ Гринкова Н. П. Воронежские диалекты. С. 127—136.

²⁹ Гринкова Н. П. Очерки по русской диалектологии. V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губернии. С. 115—116.

³⁰ См.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

«мелкобуржуазную природу тех середняцких групп крестьянства, какие тянут больше к зажиточному кулацкому слою, чем к бедняцкому».³¹ Подобная оценка, будь она принята наукой, могла бы в эпоху окрепшего тоталитарного режима вычеркнуть творчество этой талантливой сказочницы из отечественной фольклористики. К счастью, уже через два года М. К. Азадовский во вступительной заметке к сказкам А. К. Барышниковой полемизирует с Б. М. Соколовым: «Куприяниха (...) одна из последних представительниц того стиля в русской сказке, который, в нашем представлении, теснее всего связан со средой скоморохов и специалистов потешников-бахарей. Этот стиль позже культивировался главным образом в кругах крестьянской богемы (...) тесно связанной, само собой, с крестьянской беднотой».³² Как видим, тот же социальный аспект — «зажиточный кулацкий слой» или «крестьянская беднота» — звучит и в характеристике М. К. Азадовского. Причисление Куприянихи к последнему классу позволило впоследствии сделать из нее, как мы сказали выше, культовую фигуру в русском сказковедении.

В сентябре 1935 г. с А. К. Барышниковой встретились московская фольклористка С. И. Семенова (Минц) и тогдашние студенты Воронежского педагогического института, будущие видные фольклористы А. М. Новикова и И. А. Оссовецкий. Тогда от сказочницы было записано 6 сказок. В октябре работа с исполнительницей была продолжена уже в Воронеже, куда Куприяниха была вызвана для выступлений перед слушателями. В эту встречу со сказительницей был зафиксирован, по-видимому, почти весь ее сказочный репертуар — 116 текстов. Записи эти (частично) были опубликованы в сборнике «Сказки Куприянихи». В соответствии с идеологическими требованиями времени собирателям было важно доказать «правильную» классовую ориентацию исполнительницы. «По идейному содержанию своего творчества, — писали они, — она является представительницей трудового крестьянства. За последние годы Куприяниха обнаруживает эволюцию в сторону большего социального заострения своего репертуара».³³ Переходя в область исследования поэтического стиля сказочницы, исследователи также оставались в плену идеологической заданности: высшей оценкой для определения стиля сказок для них было понятие «реалистический», в связи с чем в творчестве А. К. Барышниковой они отмечали «процесс перерождения фантастической сказки в сказку реалистическую».³⁴

³¹ Соколов Б. М. Русский фольклор. М., 1930. Вып. 2: Сказки. С. 44.

³² Русская сказка: Избранные мастера / Ред. и коммент. М. К. Азадовского. Л., 1932. Т. 2. С. 136.

³³ Сказки Куприянихи / Запись сказок, статья о творчестве Куприянихи и коммент. А. М. Новиковой и И. А. Оссовецкого. Воронеж, 1937. С. 265.

³⁴ Там же. С. 266.

В дальнейшем творческая судьба А. К. Барышниковой складывалась по канонам, заданным официозной наукой. В марте 1936 г., как это бывало и с другими мастерами устного слова, попавшими в сферу внимания фольклористов, А. К. Барышниковой была приглашена в Москву. Здесь она выступала в Московском институте философии и литературы, в Государственном литературном музее, Союзе советских писателей, Доме самодеятельного искусства, в Малом и в Государственном театрах. В феврале 1938 г. она была принята в Союз советских писателей; в 1939 г. награждена орденом Трудового Красного Знамени; в мае того же года участвовала во Всекарельском совещании сказителей в Петрозаводске.³⁵ В 1939 г. со сказочницей опять работали собиратели — на этот раз В. А. Тонков, записавший несколько текстов и выпустивший сборник «Сказки Анны Куприяновны Барышниковой».³⁶ Сказки Куприянихи (записи В. А. Тонкова, А. М. Новиковой, И. А. Оссовецкого) публиковались также в сборнике «Песни и сказки Воронежской области».³⁷ В послевоенное время с исполнительницей много работал М. Сергеенко.³⁸

Встреча Н. П. Гринковой с Куприянихой оказала одинаково большое влияние и на судьбу воронежской сказочницы, и на научные взгляды собирательницы. Данный эпизод в экспедиционной деятельности сформировал у Н. П. Гринковой как фольклориста определенные представления о методике работы со сказкой в полевых условиях. Следует сказать, что эти представления полностью укладывались в общий ход развития сказковедения того времени. Исследовательница считала, что необходимо сосредоточиваться на поисках выдающихся мастеров сказки. Общение с ними должно быть длительным и доверительным, что позволит исчерпать весь репертуар сказочника. Запись сказок от случайных исполнителей Н. П. Гринкова рассматривала как значимый элемент только в качестве «фона» для исследования творчества настоящего мастера.³⁹

³⁵ См. о сказочнице: Большая Советская Энциклопедия. М., 1950. Т. 4. С. 279; Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1. С. 463.

³⁶ Сказки Анны Куприяновны Барышниковой / [Вступ. статья В. А. Тонкова]. Воронеж, 1939.

³⁷ Песни и сказки Воронежской области / Сб. составили А. М. Новикова, И. А. Оссовецкий, Ф. И. Мухин, В. А. Тонков. Воронеж, 1940.

³⁸ См.: *Сергеенко М.* Бабушка Куприяниха (к 85-летию со дня рождения) // Литературный Воронеж: Альманах. Воронеж, 1954. № 33. С. 289—311; Сказки А. К. Барышниковой (Куприянихи) / Лит. ред. М. М. Сергеенко. Воронеж, 1955; Сказки бабушки Куприянихи (А. К. Барышниковой) / Сост. и обраб. М. М. Сергеенко. М., 1957; Сказки А. К. Барышниковой (Куприянихи) / Лит. обраб. М. М. Сергеенко. М., 1961, и др.

³⁹ *Гринкова Н. П.* Вопрос о сказочнике в русской фольклористике // Сергею Федоровичу Ольденбургу: К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932. Л., 1934. С. 171—180.

В 1926 г., во время второй Юго-Восточной экспедиции, собирательница попыталась применить выработанный ею метод в полевых условиях. В с. Мастюгино Нижнедевицкого уезда она обнаружила неграмотного «швеца» (портного) Давыда Ивановича Трухачева, знатока сказок, от которого записала 35 текстов. В отличие от Куприянихи сказки Трухачева были короткими, без развитой сказочной обрядности. Любопытной деталью было то, что Трухачева специально приглашали на свадьбы для исполнения балагурных и часто «скромных» сказок. О Д. И. Трухачеве Н. П. Гринкова сделала сообщение в одном из обзоров Сказочной комиссии Русского географического общества.⁴⁰

В творчестве Д. И. Трухачева было развито индивидуальное начало. Сам сказочник в своем репертуаре ценил прежде всего свои собственные сочинения на злободневные темы. Так, в рифмованной форме он рассказывал о столкновении крестьянина с помещиком и о суде, который решал их вопрос; об отражении под руководством Ленина наступления Белой армии; о голоде, охватившем родные места в 1920 г., и об уходе населения на Кубань. Один из текстов такого рода — о Гражданской войне — был опубликован и проанализирован собирательницей. Приведем начало этого произведения: «В васимнадцатом гаду начинал белый вайну на матушку на Маскву. Всю Рассеюшку пройду и Ленина забяру. Ленин думать и гадать, красну армию набрать, усех белых патапать. Красны дружна сагласились, на дагон за ним пустились, стали спабивать». Этот текст, как справедливо указывает исследовательница, создан во многом с ориентацией на исторические песни о кавказских войнах, которые широко бытовали в устной традиции Воронежского края. Для нас он сейчас любопытен как образец новаторства в фольклоре, порожденный новой идеологией.⁴¹

Несмотря на разноаспектную важность устно-поэтических материалов, собранных Н. П. Гринковой и ее коллегами в Юго-Восточной экспедиции, судьба их оказалась столь же неэффективной, что и материалов, собранных в регионе Верхней Волги. Эти фольклорные записи вовремя не были опубликованы отдельным изданием и поэтому не сыграли сколько-нибудь значительной роли в развитии отечественной фольклористики. Рукописи, по видимому, хранились в личном архиве Н. П. Гринковой и в настоящее время их местонахождение неизвестно. Скорее всего, эти материалы надо считать потерянными для науки.

На протяжении 1920—1930-х гг. в отечественной науке шли поиски организационных структур, внутри которых фольклористика могла бы полнокровно развиваться. В конечном счете

⁴⁰ Гринкова Н. П. О записи сказок в Воронежской губернии в 1926 г. // Сказочная комиссия в 1926 г.: Обзор работ. Л., 1927. С. 5—6.

⁴¹ Гринкова Н. П. Воронежская сказка о Ленине // Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1936. Т. 2. Вып. 1. С. 319—324.

наука о «живой старине» должна была прийти к следующей формуле, которая определяла успешность того или иного научного учреждения: полевая экспедиционная работа; фольклорный архив (рукописный и фонограммархив); коллектив специалистов, работающий над общими большими темами и одновременно имеющий индивидуальные разносторонние научные интересы; издательская деятельность по публикации текстов и исследований. В стенах РАИМК не смогли реализоваться две составляющие этой формулы: архив и полнокровная издательская деятельность. Поэтому-то Российская академия истории материальной культуры в конечном счете и не стала фольклористическим учреждением.